

СЕРГЕЙ
ЕСИН

2010

ДНЕВНИК

Сергей Есин

ДНЕВНИК

2010

*Андрею Петру
лучшего сынишку
кто и где*

05.2012.

Москва
АКАДЕМИКА
2012

званы воспить поэтов, прозаиков и драматургов, а не кандидатов наук.

Кажется, все решилось и с Володей Орловым. Я все-таки надеялся, что он останется и возьмет хотя бы половину семинара, но он все же отказался. Видимо, скоро уже надо будет это сделать и мне. Свою, то есть набранную мною часть семинара заочников, придется отдавать Павлу Басинскому. Впринципе, я против Павла не возражаю, но у меня он стоял в очередь на замещение возможного места Орлова, вторым после Шилтова. Этой-то краски у нас на кафедре нет, а умных и ловких прозаиков — сколько угодно. Но здесь какую-то не вполне понятную счету развел ректор, я об этом писал.

Во время собеседования с критиками вдруг среди довольно уединенных левил появился молодой парень откуда-то из Тульской области. Сразу же стало интересно, мелькнула фамилия Асара Эппеля, фамилия Анатолия Ливри произвела в контексте одного из лучших зарубежных русскоязычных писателей. Тут же я понял, что в провинции читают и внимательно наблюдают и за мной. Подумал, что не следует мне пренебрегать и Интернетом.

24 августа, вторник. Живу по домашним правилам — утром кружка кефира с двумя ложками черной смородины и «Эхо Москвы». Ругают, сравнивая с Медведевым, Путина, передают, что в Кузбассе новый обвал на шахте, двое пострадавших. Есть и утренняя сенсация. В крови 39 родственников Гитлера найден ген, который практически встречается лишь у евреев — выходцев из Северной Африки и у потомков берберов.

Весь день дописывал и расшифровывал свои парижские впечатления, варил себе кормежку, разбирал библиотеку. «Высвободил», чтобы после первого сентября отвезти в институт, килограммов тридцать разных книжонок. Делаю последние усилия, чтобы навести хоть какой-то порядок, но слишком много вещей. Я хранитель быта трех или четырех поколений. Продать что-либо из ненужного антиквариата или старины не решaoсь, но твердо знаю, что после меня все просто пропадет. Вкуса у моей родни ко всему этому нет.

Кроме текущего Дневника долго и упорно редактировал рукопись 2006 года, тот фрагмент, который был ранее потерян. Во времена работы всплыл и подзаголовок, который может еще варьироваться, — «Год абитуриента».

25 августа, среда. На «Эхо» утренние эфиры ведет Матвей Гапонпольский. Мне его ученое занудство просто даже нравится. Сей-

час он открыл новую рубрику «Бунт хорьков». Рубрика началась с того, что в Питере при разгоне несанкционированного митинга один из милиционеров, ударив кого-то из митингующих, обозвал остальную публику «хорьками». Теперь с удивительной въедливостью Гапонпольский от имени этих самых «хорьков», то есть от имени простого народа, по телефону допрашивает и гоняет милицию, задавая ей разные неудобные вопросы.

Завтра день рождения у С.П. Он попытался ускользнуть от этой даты в Крым, но ему не сумели взять обратный билет и он остался в Москве. Я так его понимаю! Я сам тяжело переносил в свое время эту дату. Пока он решил отключить все телефоны и уехать ко мне на дачу. На скромные домашние торжества пригласили Машу и Володю. Ну как же без них! Я на сутки решил С.П. сопровождать. Уехали во втором часу, по дороге затаривались продуктами в «Перекрестке» и арбузами возле строительной ярмарки.

В эфире, это выплыло и в газетах, все время говорят о росте цен на хлеб и крупы. В известной мере это связано с введенным Гутиным мораторием на продажу зерна нового урожая. Возникло все это из-за засухи, но зерна, действительно, больше не стало. Пока в магазинах смешили всю гречку — новый урожай еще не поступил, но все решали, что она станет дефицитом. Слекулянты взвинтили на нее цену до 70—80 рублей за килограмм. Правительство, как гончую собаку, наускывает монопольную службу то на одну отрасль, где неоправданно взмылены цены, — молоко, то на другую — крупа, гречка. Это, дескать, не мы, это некие спекулянты, из которых, по сути, и состоит верховая власть.

На даче все прекрасно, но увидание уже пропустяпает. Жестокая засуха отчасти прошла, и по моему участку, кинулся сразу его поливать. Моя соседка Ниночка очень волновалась: я уезжал с дачи последний раз больным, а потом долго не объявлялся. Мы все уже в таком возрасте, что можно ждать любых неожиданностей. Со всеми побалакал, но главная у меня задача — привести в порядок свой парижский дневник и закончить редактирование Дневника за 2006 год. Работы неоконченной скопилось много, и я решил изо всех сил в эту небольшую, в несколько дней, паузу до начала учебного года окончательно разобраться с долгами. Необходимо полностью подготовить к печати рукописи Дневника за 2006 и за 2004 год. Если у Марка, как он пишет, готова, то есть отредактирована, рукопись Дневника за 2009-й, то я все это сразу запускаю в работу. Мой план очень прост: никуда не стану бегать и просить денег — все буду печатать небольшим тиражом за свой счет.

СЕРГЕЙ
ЕСИН

2009

ДНЕВНИК

Сергей Есип

ДНЕВНИК

2009

Дорогой Ильякович –
Это письмо с Красной горки
и воспоминаниями

С. Есип.

Москва
Издательство Литературного института им. А.М. Горького
2011

используются чаше, один преподаватель, на следующий — другой. В этом году замечательные темы придумала Л. Баранова-Гонченко, в прошлом — Е. Сидоров. В этом году чуть ли не сорок тем предложил А. Сегень, набирающий на заочном отделении, но ни одну я не смог запустить в общий список. Я показал весь список ректору, но и тот смог выделить только одну, да и то потому, что она была выражена всего короче.

Я это ведь к тому, что уже после экзамена, когда я вечером ехал в машине на дачу, целую истерику, с бросанием трубок и криками: «если вы мне не доверяете как профессору, то я не буду преподавать» устроил мне С. Ю. Куняев (Стас уполномочен заявить, как он сам пишет). До этого он, когда увидел темы, осторожно меня спросил, кто придумывает темы и как все это формируется. Я ему ответил, и дальше, по мере того как шел экзамен — в аудитории напротив — заходил на кафедру, где мы перебрасывались словечками, фразами, даже вместе пили чай и довольно много говорили. В частности, о какой-то новой книге Куняева, которую он пишет.

С. Ю. Куняев вообще полон разнообразных сведений. Например, он очень интересно говорил о Валленберге, фигура которого для меня всегда была темновата. Оказалось, что он, скорее, не спасальщиков в годы гитлеровской оккупации, а отбраковывали. Вроде бы существовала какая-то связь с Эйхманом, и очень нужных и очень богатых людей, на основе или взаимности, или какой-то социальной, удавалось вытащить из газовых камер, а уж остальные шли. Поговорили и о других наших литературных делах, в том числе о романе Сапи Сегени «Поп». Не на съемки ли фильма отправился Сапа? Кстати, мы сошлись, что даже если это хороший роман, то все равно какой-то, и немалый, элемент расчета и конъюнктуры во всем этом предприятии есть.

Чем вызван был такой куняевский, по поводу тем этюдов, взрыв? Я думало, что уже дома, взяв в руки работы, он понял, что их надо внимательно читать и разбираться в аргументации студентов. По себе знаю, что разбираться с новым поколением и их взглядами в нашем возрасте не всегда просто и легко. За час или два, как Куняев, возможно, предполагал, не получилось. А не следовать ли нам звонок Есину? Вот темы С. Ю. Куняева:

«Нет худа без добра...»

«На миру и смерть красна»

«С волками жить — по-волчьи выть»

«Помирать собрался, а рожь сеет»

«Снявши голову — по волосам не плачут»

Звонков с перерывами — надо было выплеснуться — было два, у меня настроение испорченное. Завтра рано вставать и ехать на коллегию по жалобам на прессу.

11 августа, вторник. С вечера все подготовил, чтобы рано встать и пешком идти на станцию. Списал даже у соседей утреннее расписание на Москву. Но еще утром что-то случилось с желудком, выпил лекарство, а в шесть решил, что так просто и без инцидентов до Москвы не доеду. Спал до десяти часов.

Утром в постели прочел рассказ Анатолия Ливри, который он приспал в «Российский колокол». Журнал с моим романом, о котором он мне писал, — был наводкой. Это все та же известная мне история со славистикой в Сорбонне и минутой молчания все по поводу тех же событий 11 сентября. В какой-то степени Ливри сейчас самый яркий по стилю писатель, пишущий на русском языке. В каждой фразе какой-нибудь замысловатый или изысканный троп. Вот начало рассказа, хотя по сравнению с другими его частями не самое яркое: «Утренний Париж смотрелся старичком в коляске, розовым, чистеньkim, амнезичным, с парализованной правой стороной. Город был недвижим, беззвучен и только Сена, прячась за горбатым дворцом — тоже ухоженным, точно осколок ленивый хищник в клетке, — с шипом влачила свои воды прочь из Европы». Сколько смыслов и как безэтично. Не знаю, насколько точно описана современная славистика Сорбонны и насколько все документально, но сделано это чрезвычайно жестоко. Предельно жестоко, убийственно. Выпиваю, поскольку это еще и опиcание еды.

«Ах, эти сентябрьские устрицы! Ох уж эти жареные тетерева животами вверх! Ах, этот Арагат грецких орехов с молочным Тереком пастыль! А вазы, полные фруктов! И где сейчас этот мужчина лосось с укропом в питоновой ноздре?! А ракат-лукум с круасанами и калачами! А тот поросенок, пожертвовавший славистике последними неделями своей жизни и павший на оловянное университетское блюдо среди кольев капусты с черной сливой, разорвавшей ему пасть! Вечная ему память! И пусть славится в веках красная гвардия пивных банок да караул из задастых бутылей пимлянского, которое довольно успешно выдавалось профессорами начальству за шампанское!

А начальство действительно ожидалось. Не потому ли появились в горшках тюльпаны, уже наказанные за свою свежесть и повернутые меловыми лицами в угол? — и не из-за высоких ли гостей лесбийская пара матрешек да их многочисленные отпры-